

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

съ „ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ“
съ бесплатнымъ приложеніемъ еженедѣльнаго
журнала „НАШЕ ВРЕМЯ“:

	НА ГОДЪ.	С М.	З М.	І М.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Всѣмъ доставки	7 50	4 50	2 50	— 90
Съ доставкой на домъ въ С.-Петербургѣ	9 —	5 —	2 75	1 15
Съ пересылкою во всѣ города Россіи . . .	10 —	5 50	3 —	1 15
На границу . .	16 —	9 —	5 —	2 —

ГОДЪ

XXXVIII-Й

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПУТЕВЕННАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ЕЖЕДНЕВНО

ТЕЛЕФОНЪ Редактора «Петербургской Газеты» № 850.
Типографии «Петербургской Газеты» № 850.

ТЕЛЕФОНЪ Редакция «Петербургской
Газеты» № 5885.

Статьи и замѣтки для газеты должны быть доставляемы съ подписью, адресомъ автора и съ обозначеніемъ условія гонорарія.

Безплатными считаются статьи, на которыхъ условія не обозначены. Статьи по почтѣ не возвращаются.

Большія статьи сохраняются мѣсяць, меньшіе, признанныя не удобными къ печати, уничтожаются.

Контора и редакция

помѣщаются въ Симеоновской улицѣ, близъ Литейной, противъ церкви Святаго Симеона домъ № 5.

Контора открыта съ 9 до 4 часовъ.

Праздничные дни съ 9 до 3 час.

Объясненія съ редакторомъ-издателемъ въ редакціи ежедневно съ 1 до 3 час. пополудни.

Последнія минуты А. П. Чехова.

«Русск. Вѣд.» приводятъ выдержку изъ личнаго письма Г. Б. Толлова къ редактору «Русскихъ Вѣдомостей» о послѣднихъ дняхъ жизни незабвеннаго писателя.

«...Въ Людервигѣ, гдѣ я думалъ отдохнуть нѣсколько дней съ братомъ, меня вчера утромъ настигла телеграмма Ольги Леонардовны съ извѣстіемъ о кончинѣ А. П.—ча. Я съ ближайшимъ поѣздомъ поѣхалъ въ Баденвейлеръ и очень кстати пріѣхалъ: тутъ власти и нѣкоторые проживающіе здѣсь русскіе усердно помогали ей, но все-таки было ужасно тяжело, и нужны совѣтъ и помощь. Пробуду здѣсь до завтрашняго утра, провожу тѣло до Фрейбурга, гдѣ вагонъ прицѣпляютъ къ скорому поѣзду на Берлинъ.. Изъ моихъ телеграммъ вы знаете, какъ произошла кончина. Я лечу въ Берлинѣ уже получивъ впечатлѣніе, что дни А. П. сочтены, —такъ онъ мнѣ показался тяжело-больнымъ: страшно исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія кашель и одышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинѣ ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу Потсдамскаго вокзала; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дышалъ. Помню однако, что когда поѣздъ отходилъ, онъ несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на мѣстѣ, высунулся изъ окна и долго кивалъ головой, когда поѣздъ двинулся. По пріѣздѣ сюда, въ Баденвейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ себя бодрѣе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Итали и хотѣлъ вернуться въ Милу черезъ Константинополь. Аппетитъ и сонъ были лучше; но уже на второй недѣлѣ здѣшняго пребыванія стали проявляться безпокойство и торопливость, —комната ему не понравилась, хотѣлось другого мѣста. Они переехали въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затѣмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hotel Sonnenberg, и здѣсь онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ. Особенно его занимало непрерывающееся движеніе у дома почты. «Видишь, —говорилъ онъ женѣ, — что значить культурная страна: все выходитъ и входитъ, каждый пишетъ и получаетъ письма». Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: «Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!» Такъ дни проводилъ до начала этой недѣли... А. П. производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Д-ръ Швереръ (Schwöger), превосходно относившійся къ пациенту, на мой вопросъ, была ли кончина и для него неожиданной, отвѣтилъ утвердительно: до наступленія кризиса въ ночь съ четверга на пятницу онъ думалъ, что жизнь можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, и даже послѣ ужаснаго приступа во вторникъ состояніе сердца еще не внушало большихъ опасеній. потому что послѣ врыскиванія морфія и вдыханія кислорода пульсъ сталъ хорошимъ, и больной спокойно заснулъ. Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ перваго камфарнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ-то матросѣ, спрашивалъ объ японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ женѣ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: «На пустое сердце льда не кладутъ».

Зналъ ли онъ раньше, что умираетъ? И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его сурруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: «Да знаешь, на всякій случай»... Последнія его слова были: «Умираю», и потомъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: «Ich sterbe»... Пульсъ становился все тише... Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подвертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ, —и безъ валоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показалась заря. Кругомъ ни звука, —маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только нѣкіе птиць доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человѣкъ и работникъ, сложившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями. Въ видѣ особой любезности къ berühmter russischer Schriftsteller, хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но въ слѣдующую ночь его тайкомъ черезъ задніе коридоры вынесли въ часовню, гдѣ оно останется до отхода поѣзда въ Россію. Здѣшняя публика, и въ особенности, конечно, находящаяся здѣсь русскія, очень сердечно отнеслись къ великой потерѣ. Телеграмма приходитъ за телеграммой, во всѣхъ слышится неподдѣльная скорбь и сожалѣніе, что не стало великаго таланта и слишкомъ рано прекратилась эта жизнь, еще такъ много обѣщавшая...

Баденвейлеръ, 3-го іюля.